

не предустанавливают их. Сделав эти оговорки, мы можем сказать, что любое средневековое учение пытается либо включить государство в Церковь, либо различить их, разделить или противопоставить друг другу таким же образом и с теми же нюансами, как оно пытается это делать в отношении философии и теологии, природы и сверхъестественного. Оставаясь в XI веке и зная отношение Петра Дамиани к философии и к природе вообще, будем считать его типичным представителем политической позиции, характерной для григорианцев. В самом деле, у него она сформулирована очень четко, и он по своему обыкновению высказывается на эту тему весьма энергично как в письмах, так и в трактате «Синодальные прения» («Disceptatio synodalis»).

Петр Дамиани, пытаясь определить отношения, которые должны установиться между Империей и папством, между земным и духовным порядками вещей, провозглашает чисто теократическую доктрину.

Часть 12.

193

4. Христианство и общество

Он без колебаний объявляет о примате духовного порядка и без всяких умолчаний обосновывает его. Императора ставит папа, совершая таинство миропомазания. Он его ставит по меньшей мере в том смысле, что поручает ему миссию, исполнение которой и делает императора истинным императором: вести все подвластные ему народы к высшим целям Церкви. Короче, через папское миропомазание император получает земную власть, чтобы, управляя Империей в ее мирских делах, вести подданных по пути сверхъестественной судьбы, обетованной им Богом. Именно потому он — император; он является истинным императором лишь в той мере, в какой верен миссии, возложенной на него папой. Коронование, понимаемое как одно из таинств, заключается, таким образом, в наделении правителя временной властью ради духовных целей Церкви.

Довольно непреклонный в этом вопросе, Петр Дамиани столь же тверд в том, что нас интересует более всего: каковы отношения, соединяющие эти два порядка? Дамиани, вполне ясно видящий цели Церкви, скорее всего никогда не задумывался над тем, что и у Империи могут быть свои собственные цели. Возможно, будет преувеличением сказать, что он не осознаёт в полной мере существования земного порядка вещей или не имеет никакого представления о его природе, но совершенно очевидно, что он не представляет его как нечто «отдельное». Под этим мы понимаем, что Петр Дамиани отказывается воспринимать Империю-для-себя и в-себе, вне папства; можно также сказать, что он воспрещает Империи считать себя некоей особой реальностью, пускай не противостоящей папству, но существующей помимо него. Вот почему, когда он ищет образ, чтобы выразить свое восприятие их тесного союза, то не находит ничего лучшего, нежели соединение Божественной и человеческой природы в Иисусе Христе. Это со-единение — тайна; союз папы и импера-

тора тоже должен быть тайной. В исключительной личности Посредника между Богом и людьми обе природы соединены; так пусть же личности земного государя и папы будут слиты божественной тайной. Образ очень выразительный; и он дает почувствовать, которая из двух личностей выполняет роль Божественной природы, а которая — человеческой. Поистине, в этой божественной тайне взаимная любовь настолько неразрывно соединяет обе личности, что король как бы пребывает в римском понтифике,